

2556

3

Москва, февраль 1924 г.

ПАМЯТИ ТОВА. ЛЕНИНА.

№ 3 (83)

К Р О К О Д И Л

Рис. С. Грузенберга.

С. Грузенберг. 1924 г.

* * *

Сегодня «Крокодил» не может смеяться...
Молчит сатириков грустный клир...
Сегодня перед ними прощально огнятся—
Огнятся 5 букв, потрясите мир...

Такие простые, так все обыкновенно:
„Л“, „Е“, „Н“, „И“, и снова „Н“...
Но от них в мире—навсегда перемена!..
И не было еще таких перемен!..

Ими мир рассечен лишь на две части
Вместо многих десятков наций и стран,

Для того, чтоб потом для Вечного Счастья
Слить их в один людской океан!..

Так пусть на последнем пиру
Капипала,
Подобно огням легендарных писмен
Сверкают пророчески, ярко и ало
5 букв „Эль“, „Е“, „Эн“, „И“ и „Эн“!..

Сегодня «Крокодил» не хочет смеяться.
Не хочет юмора, шуток, сатир...
Сегодня передним прощально змеятся
5 молниеносных букв, потрясите мир!..

„БУДЕТ ГРОЗА“.

Спотыкались, бежали ветра,
Гнали туманы, как пену,
Нагибали дерев веера,
Орали и были про Лену...

А Лена

Дни и ночи,
Ласкаясь к крутым берегам,
Зарывала валежник костей;
Дни и ночи
Золотой промывала песок
(Он от пота и крови краснел),
Волнами билась, гудела,
Ревела—
Кидала погибших слова:
«Проклятье врагам».
И предсмертное—
«ЛЕНИН».—

Спотыкались, бежали ветра
По полям, по лугам, по
горам,
Нагибали дерев веера,
Повторяли: «Проклятье
врагам»,
И предсмертное—
«ЛЕНИН».

Выходили деревни и села,
Храни поротый шомполом зад,
На бояр-белоручек поля,
Где превращались в скотину,
Гнули голову, спину
Под удары кнута и дубья
И кривили дынгою изглоданный
рот,
Посылая боярам из рода в род:
«Проклятье».
И от сердца любимое—
«ЛЕНИН».

Спотыкались, бежали ветра,
Нагибали дерев веера,
Кидала боярам: «Проклятье»
И от сердца любимое—
«ЛЕНИН».

На Буге в Карпатах,
Где воды по камням шумят,
Где шакалы воют, шипят,
Цепляясь за ветки и лапы
Буков и бронзовых сосен,
Из могил поднимались скелеты,
Собирались со свистом на митинг,
На котором пять весен
Смотрели глазами пустыми,
Стучали костями, как в
кастаньеты,

Грозил—
И в «Бога», и в «Мать», и
бездонную «Твердь»:
« ».

На Буге, в Карпатах,
Под гул канонады пять
в сен,
Цепляясь за ветки и лапы
Буков и бронзовых сосен,
Костями стуча, как в
кастаньеты,

Словаков, германцев,
мадьяр,
Россейцев, румынов, болгар
Плясали, кружились скелеты
И в пляске, играя пустыми
глазами,

Вздымая искрами жар,
В бездонную «Твердь»,
Трясли кулаками:
«Царям,

Королям,
Банкирам
Смерть».
И предсмертное—
«ЛЕНИН».
Спотыкались, бежали ветра,
Нагибали дерев веера,
Повторяли скелетов слова:
«ЛЕНИН».

Это было давно. А сейчас?
Сейчас:
Успокоилась бурная Лена,
Деревни и села
Не гнут свою голову, спину,
Не представляют собою скотину,
Не чешут поротый шомполом зад;
В Карпатах не пляшут скелеты,
Не стучат костями, как в
кастаньеты.

Только со всех материков,
На Кремль устремляя глаза,
Гремит переклик бедняков:
«Будет гроза».
«Будет гроза».
И от сердца победное—
«ЛЕНИН».

Бегут, спотыкаясь, ветра,
Срывают туманы, как пену,
Ломают дерев веера,
Орут, повторяют слова:
«Будет гроза».
«Будет гроза».
И от сердца победное—
«ЛЕНИН».

С. Малашкин.

К Ильичу...

Рис. К. Ротова.

ПРОЩАНИЕ.

Рано, в восемь часов утра,
Деловитый, важный и маленький
Он к вокзалу тайком удрал
В отцовской шапке и валенках,
Старую куртку стянул пояском,
Завтрак за пазуху тиснул,
Сунул за пояс дневник с ярлычком,
Где завитушкой написано:
„Гражданин Петр Авдееч Буровой
Ученик II-го б класса
10-й советской трудовой
Школы имени Маркса“.
Матери он ничего не сказал
И в класс не пошел не от лени:

Нынче в последний раз на вокзал
Приедет товарищ Ленин.
Сердился солдат:—Куда ты, щенок?
—Товарищ, дай посмотреть-то.
Пулей живой стрельнул между ног
И дунул к вокзалу Петька...
Ждет, сурово наморщив лоб,
Прячется среди старших.
И вот закачался красный гроб
Под звуки печального марша.
Петька шапку скинул долой,
На ципочке встал,—не видно.
Что же? Так и пойти домой?

Петьке до слез обидно.
— Товарищ, дяденька, поддержи.
Дай мне немножко подняться,
Там стекло... Ты мне покажи.
Я пришел попрощаться!..
Поднял Петьку старик в очках.
Петька впилился глазами:
— Вот он, Ленин... А у старика
Глаза налились слезами.
Так проводил на вечный покой
Вождя рабочего класса
„Гражданин Петр Авдееч Буровой
Ученик II-го В. класса“.

Вас. Лебедев.

О ЧЕМ ПЕЛИ ГУДКИ?

Рис. К. Ротова.

Ровно в 4 часа красный гроб опустили в склеп. По всей необъятной шире Союза Советских Республик мощно загудели свой прощальный привет рабочие гудки.

Гудки фабрик, заводов, шахт, локомотивов, кораблей,—все они принесли угасшему вождю клятву верности его бессмертным заветам.

Всему миру были слышны эти гудки.

Они волной звуков грозно ударили в заплывшие жиром уши капиталистов и повредили им барабанные перепонки. Тщетно пытались Пуанкаре и отставной Керзон заткнуть уши ватой, чтоб не слышать громовых гудков. Напрасно нахлобучили на уши свои короны уцелевшие от ленинской бури монархи. Бесплодно зарыл голову в украденную подушку Врангель. Безрезультатно вогкнули в уши свернутые доллары мистер Юз и Рокфеллер...

Гудки достигли их, оглушили и наполнили тщательно скрываемым страхом.

Зато живительную волну бодрости и красных надежд влили советские гудки в души рабочих и крестьян всего мира, в души рабов капитала на Западе и на Востоке. Гудки эти слышал и понял замученный в английских шахтах рудокоп, голодный китайский кули, безземельный болгарский хлебороб, изнемогающий под бичем плантатора негр, закованный революционер Индии, полузадушенный венгр, проданный соглашателями германец, солдат и матрос, работница и ребенок...

О чем же говорили рабочие гудки?

— Не у—у—мер Ленин в сердцах рабочих—и—их!—гудели басом гудки московских фабрик и заводов.—Ты с нами вечно—о—о!

— Иль—ич—ич!—звонко залились гудки Ленинграда.—Мы выполним твои заветы—ы—ы! Мир освободится от буржу—у—уев!

— Батько—о—о Ильич!—грязнули гудки украинских заводов.—Зробим усе, як ты наказав! Поперлы Махно тай Шкуро, попррем таких усих свынчых тай толстопузых врагив наших!

— Верно—о—о!—поддержали гудки Донбаса.—Из недр земли—и—и металл и уголь извлечем для Эс-эс-эр!

— Вперед! Вперед! Вперед!—отрывисто и зычно крикнули гудки советских паровозов.—Ты велел усилить транспорт, Ильич.—Усилим! Усилим!

— Мы на посту, Ильич!—загремели стальными звуками гудки советских броненосцев.—Семья твоих матросов на стороже—е—е! Мы слышим твои команды из гроба. Есть, капитан!

— Вождь мы у станков!—заливались тысячи фабричных гудков на все лады.—Работа кипит. Идем в парти—и—и!

— Крепим смычку—у—у!

— Строим кооперацию—ю—ю!

— Ленин, даем свет!—звонким альтом заявили гудки электрических станций.—Деревни осветим электрификацией! Свет! Свет!

А когда стали истекать пять минут, все гудки слились в один мощный пролетарский хор прощального привета:

— Ильи—и—ич, проща—а—ай! Мы несем твоё знамя дальше—е—е—е! Вперед—е—ед!!

Д. Долов.

ЛЕНИН ЖИВ В МИЛЛИОНАХ.

Рис. К. Ротова.

„Ленин умер... Но Ленин жив в миллионах сердец. Он живет в прибое человеческих масс.... Сотни тысяч учеников Владимира Ильича крепко держат великое знамя. Миллионы сплываются вокруг них“.

(Из обращения II Съезда Советов „К трулящемуся человечеству“).

Рис. Шестопалова.

ПРОСТОЕ и ГЕНИАЛЬНОЕ.

Чтобы всесторонне охватить великое, надо отойти от него на некоторое расстояние. Мы слишком близко стоим к делам, бедам и победам нашей страны, которая под руководством Владимира Ильича совершила великий путь, чтобы понять их смысл и значение. Уяснить же себе, что мы потеряли в т. Ленине, как в вожде, политическом и государственном деятеле, мы сможем только спустя некоторое время.

Есть сторона в личности Владимира Ильича, которая до настоящего времени не затронута. Этот великан мысли и дела был необыкновенно простым человеком, и посмотреть на него с этой стороны значит понять многое в его гениальности.

Владимир Ильич любил шутку, любил хорошее, крепкое, острое словцо, любил по-простому.

Где бы он ни был — на трибуне большого съезда или конференции, на заседании совнаркома, в какой-нибудь боевой и спешной комиссии, он был всегда неизменно щедр на шутку, на острое слово, на улыбку.

У нашего вождя был дар шутить. И

эта шутка была в его руках не только шуткой, но и громадным орудием.

Он умел двумя-тремя словами уничтожить и сразить противника. Двух-трех слов было достаточно, чтобы навсегда приклеить к зарвавшемуся товарищу ярлычек, который нельзя уже было ничем смыть.

Шутки Владимира Ильича любили. Шутки Владимира Ильича боялись.

Он произносил свои шутки и меткие словца просто, необычайно просто: заложит большие пальцы рук за жилет, ходит по эстраде и неожиданно делает выводы, от которых весь зал, как один человек, раздражается веселым смехом и неудержимыми рукоплесканиями.

В настоящем номере мы собрали некоторые шутки и улыбки Владимира Ильича — ничтожно мало в сравнении с теми, которые он пустил в оборот. Нам хотелось этими строками обратить внимание на ту сторону Владимира Ильича, которая более всего влечет к нему сердца — на простоту, на шутку, на улыбку.

Портреты Владимира Ильича, когда он шутит или улыбается, самые живые изображения его.

Простое так идет к гениальному.

Ленинские крылатые словечки.

Ильич обладал исключительно способностью характеризовать людей. При этом он часто давал такие меткие клички людям, что с этим ярлыком они уж оставались на всю жизнь.

„Мальчик без штанов“.

Ильич в 1914 году много боролся с мелко-буржуазной идеологией видного члена Бундовской партии Либмана, корчившего из себя большую политическую фигуру. Но Ильич развенчал его при общем хохоте такой фразой:

„Бундовец Либман — „мальчик без штанов“.

Так за ним это прозвище и осталось, значительно сбавив с него спеси.

Соглашатели вроде свахи.

Прекрасно одной фразой охватил Ильич сущность соглашательских стремлений Каутского и Гильфердинга.

„Они, — сказал тов. Ленин на 8-ом съезде, РКП, — хотели сочетать законным браком учредилку и диктатуру пролетариата!“.

Что такое буржуазная „свобода“.

Такую-же острую и сжатую характеристику буржуазному воплю о „попранной большевиками свободе“ дал наш вождь в своем докладе на I Конгрессе Коминтерна:

„Капиталисты всегда называли „свободой“ свободу извлекать прибыли — для богатых и свободу умирать с голоду — для бедных“.

Како метко определение буржуазных „свобод“!

Шаги соглашателей.

„Только первый шаг труден“, говорит французская пословица. Или по-русски: „первая рюмочка колом, вторая соколом, остальные мелкими пташечками“.

Разница между оракулом и Плехановым.

„Разница между оракулом и Плехановым та, что оракул предсказывает события, а Плеханов изрекает свои вердикты после миновавших событий, преподносит горчицу после ужина, проявляя свою мудрость и дальновидность на счет вчерашнего дня“.

О Ларине.

На XI съезде РКП, выступая против т. Ларина, тов. Ленин сказал:

„Фантазия есть качество величайшей ценности, но у тов. Ларина ее маленький избыток. Например, я бы сказал так, что если бы весь запас фантазии Ларина разделить поровну на все число членов РКП, тогда бы получилось очень хорошо“.

„Всемирный Совнархоз“

Порою тов. Ленин добродушно одергивал и своих ближайших соратников, если они черезчур увлекались, сходя с почвы реальных возможностей. На 8-м съезде РКП тов. Ленин, возражая авторам проекта о Совете Народного Хозяйства, который должен был включить в себя и Наркомпрод, Наркомфин и др. учреждения, сказал:

„Это похоже на то, как если б мы сейчас в нашей программе выставили Всемирный Совнархоз! К слову „Совнархоз“ мы сами еще не успели привыкнуть, а иностранцы, говорят, ищут—нет ли такой станции в России“.

Отповедь Ильича товарищам вызвала дружный смех.

Зачем корчить из себя лягушку...

В другой раз, борясь против „совчанства“, Ильич одернул некоторых товарищей такой фразой:

„Если мы будем корчить из себя лягушку, пыхтеть и надуваться, то станем посмешищем на весь мир!“.

Да, и шутка, и афоризм, и окрик, и характеристика у Ильича всегда поражали меткостью, прямоотой и остроумием.

О Мартове.

Когда-то в тесном кружке близких товарищей, когда зашла речь о Мартове, Владимир Ильич весело улыбаясь, сказал:

„Какой же Мартов лидер политической партии? Он талантливый публицист... Заприте его в комнату. Первое время он будет нервничать, бить стекла, ломать дверь, а затем успокоится, потребует чернила, перо и бумагу и начнет писать, писать и писать.. А что напишет? За это ручаться нельзя“...

В. И. О ТОЛСТОМ.

Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого—действительно кричащие

С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны, помещик, юродствующий во Христе.

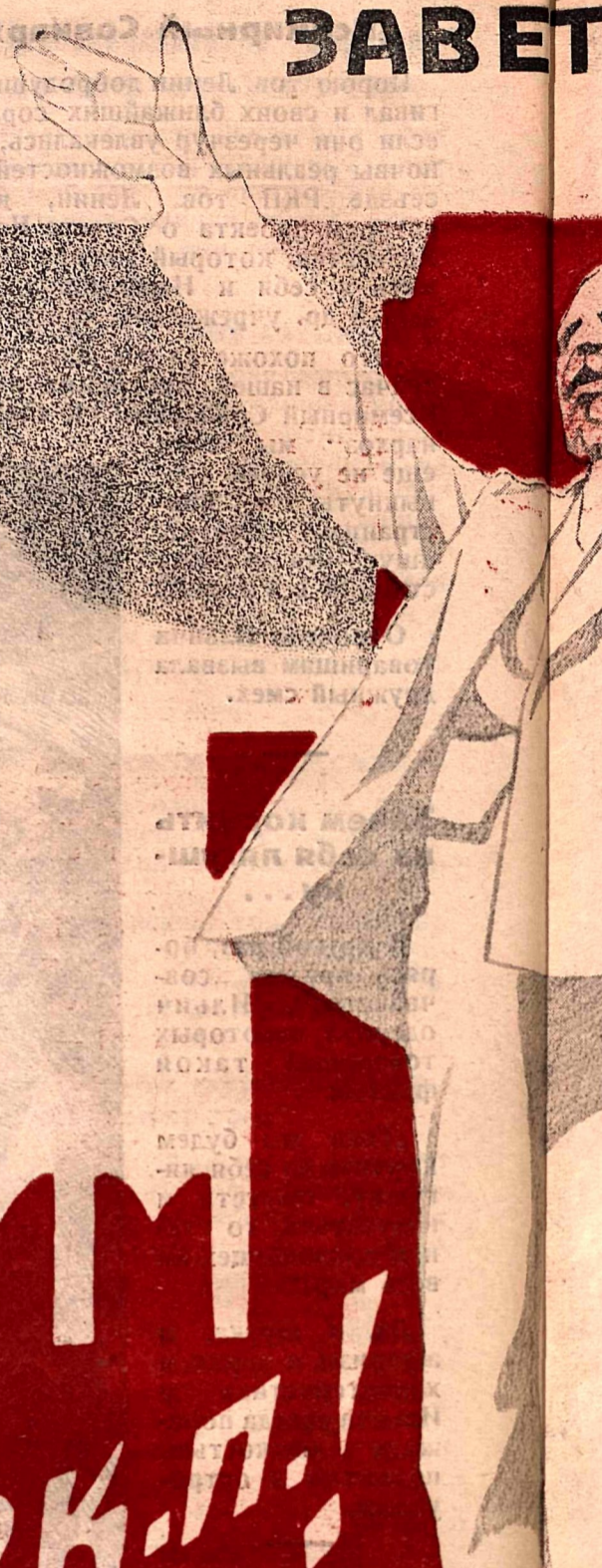
С одной стороны, замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной

фальши; с другой,—„толстолец“, т.-е. иста каный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом.

С одной стороны, самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок; с другой стороны, проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религия—стремление поставить на место попов на казенной должности, т.-е. культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины“.

Рис. Бор. Ефимова.

Храните
единство
Р.К.П.

Крепите
союз рабочих
и
крестьян!

Ы ЛЕНИНА.

Идите под
знаменем
Коминтерна!
Пролетарская
диктатура
преобразит
мир!

Денис 24

ИЛЬИЧ И САТИРА.

Говорят, что это — верный признак: кто любит смех и умеет хорошо аппетитно от души смеяться, тот человек хороший.

Об Ильиче все сведения сходятся. Наборщик Нефедьев из Симбирска, бывший товарищ детских игр Ильича до 15-ти летнего возраста, рассказывает в Симбирской газете „Пролетарский Путь“, каким весельчаком и забавником был Володя Ульянов.

Свидетели его студенческих лет и ссыльного жития тоже рисуют Ильича человеком, любившим острую шутку, забавный рассказ. А позднее многие на собственной шкуре испытали остроту Ильичевской насмешки.

И не только в домашнем быту любил и ценил Ильич смех. Смех, как орудие борьбы с противником, как средство ослабить его, сделать жалким, недостойным уважения — Ильич ценил очень высоко.

Несколько месяцев назад я узнал от близких Ильича, что наш больной с особенным удовольствием рассматривал альбомчик с карикатурами Дени и весело хохотал над некоторыми. Возникла даже мысль сделать для домашнего кинематографа Ильича движущиеся карикатуры Дени, за что художник брался с полной готовностью. Другой раз мне говорили, что Ильичу читали кое-что из вышедшей недавно книги Демьяна Бедного и чтение доставляло удовольствие больному.

Вообще к Демьяну Бедному, как к лучшему мастеру сатиры, Ильич относился с большой

теплотой с первых литературных выступлений поэта в партийной печати. „Это — таран нашей революции“ — писал Ильич, из-за границы.

Однако, приехав в Россию после февральской революции, Ильич, едва успев облобызаться с Демьяном, впился в него строгим и вместе смеющимся взглядом: „А зачем в „Современном Мире“ писал?! („Совр. Мир“ — название журнала, занимавшего во время войны позицию меньшевиков-оборонцев). Демьян, работавший в журнале еще до войны и помещавший в нем определенно большевистские басни, во время войны очень мало писал, (во всяком случае, не сбивался на меньшевистский тон. Но Ильич ставил ему в вину, что он не порвал с журналом во время войны).

В первые дни пребывания Ильича в России, в редакции „Правды“ зашел разговор об одном ядовитом стихике Демьяна против только что вернувшегося в Россию Плеханова. Тогда Плеханова встретили восторженными приветствиями все буржуазные партии и газеты. Даже подхалимская черносотенная газета монархистов „Новое Время“ преклонялась перед „великим пропагатором“ социализма Плехановым.

Демьян тиснул в „Правде“ стихок:

Ты — наш великий пропагатор,
Ты — социал наш демократ,
Прими от преданных друзей
Привет. Гамзеевич Гамзей.

(Гамзей Гамзеич — так называли тогда в печати черносотенных погромщиков монархистов).

Меньшевики и эсеры во время происшедшего тогда все-русского совещания советов с пеной у рта насканивали на редактора „Правды“ тов. Каменева с протестами против такого поношения Плеханова. Тов. Каменев вынужден был давать какие-то объяснения. И когда Ильич появился за редакционным столом „Правды“, Каменев полушутя пожаловался ему на Демьяна, из-за которого приходится, мол, отдуваться. Ильич чуть не подпрыгнул!

— „Что-о? Мало ему!!! Мало!!!“ (Ему, то-есть Плеханову, много нагрешившему во время войны против революционных пролетариев союзом с буржуазией).

* * *

Припоминается еще случай. Однажды в 1918 году мы зашли как-то с Я. М. Свердловым и Демьяном к Владимиру Ильичу. Демьян прихватил с собой только-что написанную им тогда поэму „Земля обетованная“, где, пользуясь библейским ска-

занием о выходе евреев из страны фараоновского гнета, изображал первые шаги пролетарского октябрьского исхода из страны капиталистического рабства. Ильич суетился вокруг керосинки (или спиртовки), на которой он сам разогревал себе на ужин оставшиеся от обеда солдатские щи (тогда Ильич питался из общего котла кремлевского гарнизона и питался довольно-таки отвратительно), а вместе с тем внимательно слушал чтение автором стихов. В некоторых местах Ильич весело и заразительно хохотал, увлекая нас.

И вдруг с детски-наивным выражением лица прищурился на Демьяна:

— Позвольте, выходит, что Моисей — это я?

И снова закатился своим беззвучным очаровательным смехом. Так смешна показалась ему параллель современного пролетарского вождя с библейским пророком, ведущим народ через пустыни в землю обетованную.

Л. Сосновский.

Демьяну Бедному.

...Эх, Демьяша!
Торька вдруг стала наша чаша.
Жемееет сердце. Жикнет ум.

От тяжких дум —
Тоска и мрак;

Впилась в нас змея небывалая —

Как жало врага...

Скорбное сердце зажать бы в кулак —

Лусть брызгами хлещет кровь алая

В лютый мороз на белые снега
Мужицкой рабочей земли

В эти дни.

И на сабанах белом гвоздикую
Зацветет над могилой великою...

Нашей утраты — умом не постичь.

Прощай наш Ильич!

Федич.

ВИЛЫ В БОК ВСЕМ НАМ ОТ ИЛЬИЧА.

«Был такой тип русской жизни—Обломов. Он все лежал на кровати и составлял планы. С тех пор прошло много времени, Россия проделала три революции, а все же Обломовы остались, так как Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и коммунист.

Достаточно посмотреть на нас, как мы заседаем, как мы работаем в комиссиях, чтобы сказать, что старый Обломов остался и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел.»

«Везде, где десятки верст проселка, вернее — десятки верст бездорожья отделяют деревню от железных дорог... разве не преобладает везде в этих местах тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость.»

«Не выйдет никакого толку, если в деревне будут появляться скоропалительные люди, которые порхнули туда из города, при

ехали, покаялись, учинили несколько интеллигентских склок и, расплевавшись, разъехались.»

«Вот по части торговой, жаль, что мало нас, коммунистов, бьют, но я надеюсь, что в ближайшем будущем этот недостаток будет восполнен с таким же успехом.»

«А вы, прибывей у вас нет, принципы коммунистические, идеалы хорошие, расписаны так, что вы, святые люди, в рай живыми проситесь, а дело делать умеете?»

«Нам очень много приходится слышать, мне особенно по должности, сладенького коммунистического вранья — «комвранья», кажинный день, и тошнехонько от этого бывает, иногда убийственно.»

«Если коммунист — администратор, его первый долг — остерегаться увлечения командованием... Поменьше приемов Тит Титыча — я могу утвердить, могу не утвердить.»

НАШИМ КОРРЕСПОНДЕНТАМ.

Т. Ленин высоко ценил значение корреспонденций с мест и участие в рабочей печати самих рабочих.

Владимир Ильич указывал, что пока у рабочих на местах слишком мало знаний и наблюдений в этой области, им еще придется учиться и учиться, о чем писать.

«Как сейчас помню, — рассказывает т. Ленин, — свой первый опыт, которого я никогда не повторил бы.

Я возился много недель, допрашивая с пристрастием одного ходившего ко мне рабочего о всех и всяческих порядках на громадном заводе, где он работал.

Правда, описание одного только завода я, хотя и с громадным трудом, все же кое-как составил, но зато рабочий, вытирая пот, говорил мне под конец занятий с улыбкой:

— Мне «легче экстру проработать, чем вам на вопросы отвечать».

Мы понимаем, как трудно нашим товарищам собирать материал и сколько потов с них сойдет за это время.

Но, по завету Ильича, будем наблюдательнее, будем учиться, о чем писать и как писать.

ЗАГОВОР ОТ ВСЕХ БОЛЕЗНЕЙ.

Записано в селе Виловатове, Самарской губ., Бузулукского уезда, со слов солдатки Марьи Васильевны Недобежкиной 24-х лет, сочинившей заговор вместе со своим братом Никитой 19 лет.

С северу море, с югу море,
С западу горы, с востоку доли,
А в середине — город Москва.
Во этом городе Ленин и Троцкий.
Как у Троцкого виски длинны жесткие,
А у Ленина голова ясная, как солнышко.
Стоят они на высокой башне,
Держут в руках пистолеты стальные,
Смотрят во все стороны, пряталывают,
Нет ли где неприятелей.
Как в морях вода взбаламутилась,
Как враги-неприятели зубами скрипят.
Французы-тонкопузы,
Англичане-колчане
И белые, и желтые, и бурые, и синие,
Вся пакость, вся нечисть,
Вся подлечность.
Охота им Россию сглотнуть,
Охота им царя поставить,
Охота им кровь крестьянскую пить.
А Ленин как мигнеть,
А Троцкий как пальнеть,
А войско красное, российское
Как крикнеть,
Как зыкнеть.
И никто из неприятелей не пикнеть.
Вы не лезьте ко мне, боли и хвори
Головные и ножные,
Животные и спинные,
Отриньте, отзыньте,
Как неприятели заграничные
Ты, голова моя — Ленин
Ты, кровь моя — армия красная,
Спасите, сохраните меня
От всякой боли и хвори,
От всякой болезни и недуга.

НАСЛЕДНИК.

— Эх, досадно, что т. Ленин наследника не оставил.
— Как не оставил! Есть!
— ?...
— Честное слово есть. Весь в Ильича...
— Брось шутки. Совестно!
— Какие там шутки, когда парню 26 й год пошел.
Эдо-ро-ве-ен-ный. Боевой... Батькина кровь, что и говорить. На всех фронтах побывал. Да что фронты! Каторга, тюрьма, Сибирь, ссылка, все прошел...
— Стыдно не знать про такого молодца...
— А кто же он такой?
— ЭРНАПЕ...
— А, ЭРНАПЕ?!.. Ну, это правильно!

ПОМИНКИ ИЛЬИЧУ.

Во многих местах крестьяне в память Ильича переходят на многополье.

(Из газет).

1.
Две деревни Гнезда Сорочьи да третья Фоминки

Решили справить Ильичу поминки.

Сошлись в избе, которые молодые, Передовые,

Да кое-кто из разумных стариков, Которые бородатые, а без зубов, Да пригласили из уома

Партица агронома.

Сидели Фоминки да Гнезда Сорочьи

Четыре дня и две ночи,

Онуци скидывали,

Чтой-то на летах прикидывали,

Обмозговали, скрепили

И руку приложили:

„Миру всему

Быть по сему“...

II.

„Охота тебе, жена, лаяться...

Отныне довольно маяться,

Отныне не житье, а раздолье,

Долой трехполье:

Заведет народ

Многопольный оборот...

А к тому ж и новый фактор —

Получим трактор,

При чем

Назовем его Ильичем...

А с такой знатной кличкой

Да с рабочей смычкой

С десятины вместо 30—300 пудов,

Вместо одной телки — 10 коров...

Вот какие поминки

Устроили Гнезда Сорочьи да Фоминки,

Забодай-Корыто.

СКЛОНИ ГЛАВУ.

Склони главу, страна свободы,
Перед почившим мудрецом,
Который вел вперед народы
С великим знанием и умом.
Замолк на век Ильич наш

Но дух его средь нас живет
И к братству, равенству ведет
Дорогой верной, хоть и труд-
ной.

Покойся вечным сном наш
гений

И знай, что мы в душе храним
Уроки всех твоих учений
И верим в то, что победим.

Тяжел нам твой уход — мы
знаем.

Но духом бодры, как с тобой,
И снова все идти на бой
За идеал твой обещаем.

Прости, учитель, вождь, борец.
Прими тобою заслуженный,
Слезой нашей окропленный
На век нетлеющий венец.

Рабочие ф-ки Высоковской м-ры
Клинского уезда.

ЕГО НЕ СТАЛО.

Умер наш Вождь и всемирный
Учитель —

Ленин Владимир Ильич.
Всех пролетариев стран Вдох-
новитель,

Гроза капитала и бич...
Сомкнулись уста и закрылись
веки, —

ЗАЧЕМ ГОВОРИТЬ,

ЧТО ОН УМЕР.

К вам, рабочие целого мира,
Мы несем этот огненный клич:
Умерла наша светлая сила,
Наш любимый, великий Ильич.
Нет. Зачем говорить, что он
умер.

Он ведь здесь — он ведь в
каждом из нас!

Его слава в рабочей коммуне
В мировые пожары зажглась.

Работница Почтамта
Ал. Мушников.

ДРУГ НАРОДА.

Каждый в жизни брэн и тленен,
Всем придет смертельный час.
Общий друг народа — Ленин
Взят могилою от нас...
Он и вечен, и несменен.
Выше знамя, — и вперед.
Все, что сделал в жизни

Ленин,
Будет жить и не
умрет.

Сергей
Чаговец.

У ГРОБА.

В последний раз пришли к тебе,
Клянемся мы: Твоей борьбе
Мы жизнь и силы отдадим,
Тесней ряды соединим.

Вперед! Вперед! Гречи наш
клич!
Ты жив, ты в нас, родной
Ильич!

В. Лившин.

УМЕР ЛЕНИН НО
ДЕЛО ЕГО ЖИВЕТ

ИЛЬИЧУ.

...Не сказать, не пропеть
и не выплакать

Слов и звуков достойных тебя...
Шар земной ты сумел перевы-
пахать,

Своей кровью удобрил поля...
О, бессмертный наш Сеятель —
Ленин.

Мы растем по заветам твоим.
Нас никто никогда на колени
Не поставит: мы все — как
один...

В. З.

На смерть

т. Ленина.

Не ветер, не вьюга
рыдает и стонет,
Не солнце погасло в
густых облаках, —

Вождя своего пролетарий
хоронит

С отчаяньем сердца, с слезами
в глазах.

Не выпив до дна чашу жизни
бурливой,

Он умер, как славный, вели-
кий герой,

Ко благу народному, к жизни
счастливой

Ведя наш корабль по пучине
морской.

Он вел его в бурю, в дни
грозных пожарищ,

Он правил могучей и верной
рукой.

Да будет тебе, дорогой наш
товарищ,

И вечная память и вечный по-
кой.

Твой ум и ученье великий мы-
слитель,

В нас будут, как яркое солнце
сиять,

Клянемся над гробом твоим,
наш учитель,

Дорогой твоей неизменно ша-
гать.

Так крепче сомкнем мы ряды
трудовые

И смело к намеченной цели
пойдем,

И для Капитала Коммуны
стихия

Вновь встанет карающим, гроз-
ным мечом.

Отряд Особого Назначе-
ния при Ц.К.Р.К.П. (б).
Красноармеец Злотин.

СПИ, ГЕНИЙ ВЕЛИКИЙ...

Спи, Гений Великий, потрясший
основы вселенной.

Спи, лучший из лучших — алмаз
среди великих людей

И знай: твоим словом народ
вдохновленный

Сумеет стряхнуть гнет прогнив-
ших цепей.

О, Гений Великий — ты солн-
це и дух коммунара!

Нет тебе смерти! —
— Ты с нами!

Филлоков.

Раб. Гостреста „Северодес“.

ОН ЖИЛ, ЖИВЕТ И БУДЕТ ЖИТЬ.

Угасла жизнь, огонь потух,
Не стало больше Ильича,

Но не погас идеи дух
И вера в дело горяча.

Так велика к нему любовь,
Что трудно нам его забыть,

Но смело все воскликнем вновь:
Он жил, живет и будет жить.

Пройдут десятки, сотни лет,
Умрет и наше поколение,

Но не умрет его завет,
Его великое ученье.

Александр Антонов.

ПРОСТИ.

Ушел Ильич — поэт восстаний,
Шумите, красные полки.

Сегодня скажем мы: „Прости!“
Вдохни в нас свой кипев-
ший пламень!

А завтра за дела Твои
С удесятенной силой ста-
нем...

Ушел Ильич — поэт восстаний,
Смыкайтесь красные полки.

Ушел Ильич — поэт восстаний,
Смыкайтесь красные полки.

Ф. Топильский.

Умер. Идея же — нет.
Имя твое сохранится во-веки
И данный тобою завет...

Все чему учил нас и нам ты
оставил, —

С любовью сумели постичь,
Тою дорогой, которой направил,

Будем идти, дорогой наш
Ильич.

Безработный Брюнчугим.

„Лучше меньше да лучше!“

Рис. К. Ротова.

Постановлением Президиума ЦИК СССР от 5 февраля воспрещено без разрешения Президиума производить переименования чего бы то ни было именем В. И. Ленина.

ЛЕНИН В СОВЕТСКОЙ КАРРИКАТУРЕ.

Рис. Дени.

Рис. Д. Моора.

(„Крокодил“).

Появление Ленина на всемирной конференции.

К IV Конгрессу Коминтерна.

(„Крокодил“).

Рис. Ив. Малютина.

Маяк коммунизма.

Электрофикация России.

(„Бов“).

Рис. Ив. Малютина.

ЛЕНИН (красноармейцу):— Смотри, эта падаля боится света так же, как и твоей винтовки.

НА ПОРОГЕ 23-го ГОДА.

(„Красный Перед“).

Рис. Шухмина.

Тов. Троцкий. Тов. Ленин. Тов. Чичерин.

Отступление до урожая.

(„Крокодил“).

Рис. Моора.

ЛЕНИН: — Довольно отступать.

Лицо „Правды“.

(„Беднота“).

Рис. Занятова.

Тов. Ленин за работой.

Вопль наболевшей „души“.

(„Правда“).

Рис. Дени.

АНГЕЛ МИРА: — Товарищ Ленин, я без вас в Геную не поеду. Довольно!.. Попито моей кровушки!..

НЕИЗДАННАЯ КАРРИКАТУРА.

Эта неизданная каррикатура, принадлежащая карандашу тов. Лепешинского, заставила Ильича хохотать до упаду: она изображает двух щедринских мальчиков: в штанах (Бебеля) и без штанов (Вл. Ильича). Бебель зазывает „мальчика без штанов“ в свой фатерланд, чтобы помирить драчуниску с остальными мальчиками, с которыми он рассорился, а верный своей санкюлотской природе мальчик „без штанов“ непочтительно отвечает на это любезное приглашение: „На что выкуси“.

По этому поводу следует сказать, что меньшевики, желая сорвать во что бы то ни стало созыв III съезда, провоцировали Бебеля выступить со своим предложением в роли третейского судьи между сторонами.

Очень хорошо понимая тщету наивного намерения доброго Бебеля и хитрую дипломатию меньшевиков, Ленин в вежливых словах, но по существу „невежливо“ дал понять, что вмешательство товарищей иностранцев в распри русских фракций, еще между собой не договорившихся до принципиальных крупных расхождений во взглядах, он считает преждевременным.

ЛЕНИН В ИНОСТРАННОЙ КАРРИКАТУРЕ.

Откуда силы у большевиков?

Каррикатура из английского журнала „Освободитель“.

КЛЕМАНСО: — Откуда же вы берете войска?
ЛЕНИН: — Я пользуюсь вашими...

Международный капитал и Ленин.

Каррикатура из журнала германской социал-демократии „Левый Смех“.

Вдали стоит под ружьем Красная Армия, под начальством главнокомандующего т. Троцкого.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КАПИТАЛ: (одной рукой обнимая Ленина, другой обшаривая его карманы). Хотя наши интересы различны, но я нащупываю у вас почву для сближения.

ЛЕНИН: (отвечая на объятия и не забывая кармана капитала). Мы тоже нащупываем у вас.

ТРОЦКИЙ: Мы готовы сделать объятия более крепкими.

На что она существует?

Каррикатура из американского журнала „Коммунист“

ПУАКАНРЕ: (на ухо Ллойд Джорджу). Не понимаю, на какие средства существует Россия?

ПЛОЙД ДЖОРДЖ: На царские долги, которых Ленин не хочет платить нам.

ЛЕНИН: Лысые и старые, а, кажется, дураки

Шах и мат.

Каррикатура из американского журнала „Либератор“.

Играют в шахматы: на одной стороне Ленин (с папироской, хотя Вл. Ильич не курил), на другой — Вильсон, Клемансо и Ллойд Джордж.

ЛЕНИН: Объявляю вам шах и мат, господа...

КЛЕМАНСО: (шепчет своим коллегам). Перед нами только два хода: либо объявить войну советской республике, и тогда у нас будет революция, либо помириться с советской властью, но тогда советск я власть разольется по нашим странам...

Редактор—Н. И. Смирнов.
Издательство „Рабочей Газеты“.

862

1597

ВЕНОК НА МОГИЛУ ЛЕНИНА.

Российская Центральная
Книжная Бюро в
[Handwritten signature]
№ [Handwritten number]
[Handwritten text]

Рис. Дени.

Дени 24.

Ребенку бездомному—дом и пища,
Темным—знание, свет—слепым,
Усталым—отдых, ночлег—нищим,
Слабым—помощь, здоровье—больным.

Ему спасибо в словах не скажешь.
Не надо слез и плаксивых строк.
Жизнью, работой пусть свяжет каждый
Ленину лучший, вечный венок.